

ностолетний старец Энрико Дандоло, сделавшийся с 1192 года дожем Венеции, оказался главным заводчиком этой удивительной драмы. Если Дандоло могло побуждать коварное слепое стремление к тому, чтобы отомстить за унижение, которому сам он некогда подвергся в качестве венецианского посла при дворе Мануила, то еще более могучим рычагом для коварных действий венецианцев послужило убеждение в том, что низложение Алексея III, решительно враждебного венецианцам и благоволившего к пизанцам, и восстановление династии, ниспровергнутой Алексеем III, повлекут за собой неисчислимые для республики выгоды¹. Могуущественный город, раскинувшийся на лагунах, не только совлек с себя прежние узы подданства, но расторг даже дружеские связи с Византией и всецело предался интересам Запада; в союзе с этим последним Венеция преследовала собственную государственную идею.

Дандоло склонил и маркграфа Бонифация на свой сокровенный замысел, который сводился к тому, чтобы направить крестовый поход вместо Египта и Сирии на Константинополь. Согласно новому договору с крестоносцами, которые не смогли собрать полностью суммы для уплаты Венеции за подряженные для перевозки войска суда, дож направил могущественную флотилию в октябре 1202 г. прежде всего против состоявшего тогда под венгерским владычеством города Цары с той целью, чтобы завоевать город для республики. Совершилось это вопреки нарочитому воспрещению папы чинить нападения на христианские страны. Войско паломников зазимовало в Царе, и сюда-то явились послы от германского императора и принца Алексея. Они имели совершенно определенное поручение хлопотать о том, чтобы крестоносцы со своим флотом отправились в Константинополь, свергли там похитителя престола и восстановили правомерного императора; за это императором сулились значительные компенсации и даже подчинение греческой церкви папской власти. Таким образом, несмотря на протест со стороны некоторых более совестливых и влиятельных

¹ Никита, De Alexio, кн. II, . 9.